

КОВДОР

В ОКНЕ ВОСПОМИНАНИЙ

У весьма пожилого возраста – свои права. Никак не могу поверить в силу виртуальных сайтов и прочей современной техники. Возможно, ещё и потому, что на этих сайтах несколько раз под разными соусами уже поднимал вопрос об увековечивании в Ковдоре имени Ольги Михайловны Римской-Корсаковой.

В ответ – ни одного телодвижения. То есть, мужики, которые принимают решения, сделали вид, что этот вопрос их не касается. Создатели сайтов и просто подчинённые им – не подсказали. Потому решил в лоб, без всякой дипломатии, выделить полужирным шрифтом вопрос в тексте. Очень хочется, чтобы сей крик не оказался гласом вопиющего в пустыне. Понимаете, наследие мифических гипербореев штука красивая, но не осязаемая. А вклад в становление Ковдора представительницы такой знаменитой фамилии можно и потрогать, и пощупать, и попробовать на язык. Вряд ли у какого другого райцентра области имеются такие корни.

* * * * *

Листая подшивки

Переключка перед уроком в школьном классе мало что скажет читателю спустя полвека. Разве представители второго-третьего поколения ковдорчан оживят в памяти рассказы родителей. Но пределы небольшой статьи не дают другой возможности помянуть хороших людей. Лет пять тому назад я покопался в газетных подшивках и скомпоновал свои впечатления тех лет плюс бурлящую Перестройку. Собрал очерки, статьи и заметки под одной обложкой. Жаль, в Ковдоре так и не нашлось желающих перелить их в привычную (для моего поколения) книгу. Ограничились виртуальной копией.

В Ковдоре я работал свыше четырнадцати лет, в Умбе чуток более пяти. Вдохновившись Ковдором, написал и о «Перестройке по-Умбски». В нищем районе, всю дорогу дотационном, нашлись энтузиасты – издали книгу. Нет, виртуальный вариант там тоже имеется, но терчане понимают: одно дело просмотреть за компьютером, и совсем другое прочесть, вернуться, произнести вслух.

Никак не мог сегодня вспомнить фамилию геолога, третьего лауреата Ленинской премии среди ковдорчан. Раскрыл очерк о нём в бумажном оригинале книги о ковдорчанах. Извините за признание, зачитался. Столько деталей, характеризующих отношение Бориса Ивановича Сулимова к работе. Выпускник Петрозаводского университета, за жизнь прочёл, проштудировал все десять тысяч томов, положенных среднему интеллигенту. А ещё минимум по два раза внимательно всмотрелся в миллионы и миллионы кернов, добытых в окрестностях Ковдора и Мурманска. При его непосредственном участии на берегу Баренцева моря открыты залежи титановых белил...

Убыл – прибыл

Более трети своей жизни живу вдали от Кольского полуострова. Не самые худшие мои годы прошли за Полярным кругом. Не случись августа 1991 года, совсем не уверен, что сменил бы прописку.

Но мама умерла, отец остался один в киевской квартире. Опять же сын окончил школу и лучше, чтобы он был на глазах, учился и жил в столичном городе. Новый глава Украины (её прежний партайгеноссе) Кравчук официально потребовал возврата в родные пенаты.

Большинство перечисленных причин в Киеве повернулись ко мне спиной, если не сказать ещё резче. Сына показательно исключили из университета. Как еврея... Доброхотке, что мне сообщила об этом, я на автомате выпалил:

– Так он же наполовину...

– А им всё равно, хоть на одну шестнадцатую...

Много навалилось неприятного и разного. И всё-таки уехать на две тысячи км ниже по меридиану – надо было. Не только потому, что, как многих ковдорчан, замучили камни в почках. Полярные надбавки положены северянам по многим причинам, одна из них – некачественная вода. И кислорода в воздухе не хватает. Чем дальше, тем тяжелее взбирался на свой пятый этаж, всё явственней ощущал сердцем давящую планку.

В Киеве недомогания враз отступили. Зато, как в том одесском анекдоте, столь любимом секретарём парткома ГОКа Б.П. Солониновым, морально стало тяжело. Но это исключительно мои подробности.

Ковдор на карте полуострова до сих пор самый молодой город и райцентр. Из той плеяды, которые называли «голубыми городами». Побывал он и в числе Всесоюзных комсомольских строек. Как Феникс античных времён возник среди тайги, сопки, озёра и реки. К счастью, в музее города, организованном ещё при активном содействии тогдашней администрации Ковдорского ГОКа, можно узнать имена, увидеть фотографии первостроителей и геологов, горняков, обогатителей. Энтузиастов, причастных к возникновению нового населённого пункта.

Когда я приехал в Ковдор, многие из первопроходцев трудились в полную силу. Сотворили атмосферу устремления в будущее. Я проникся ею. В силу служебных обязанностей редактора многотиражной газеты ГОКа.

Соль первой закваски

Бок о бок в коллективе строителей и эксплуатационников трудились представители большинства народов большой страны.

В первом десанте расконвоированных оказалась Тамара Давыдовна Цхакая, урождённая княгиня Дадиани. По мужу – родственница одного из основателей Грузинской ССР. За что и поплатилась годами ГУЛАГа.

Она участвовала в закладке правобережного «голубого города» на карте страны – Комсомольска-на-Амуре. На сцене театра самого Мейерхольда успела показать себя, как актриса. Становление интеллигентной прослойки Ковдора началось с Тамары Давыдовны. Клуб, потом Дворец культуры привлекали не танцуйками под патефон, а различными кружками.

Уже в 53-м приехал к озеру Ковдор многолетний начальник учебного центра треста Александр Васильевич Косарчук. Большинство строительных специальностей он освоил в ГУЛАГе. В годы Гражданской войны его, беспризорника, пригрела лётная воинская часть. Косарчук уже примерял на себе шлем, осваивал рычаги самолёта. Да бдительные товарищи обнаружили в чемодане курсанта газету со статьёй Троцкого о Ленине. Ковдорчане, уверен, благодарны Александру Васильевичу за мемуары о начальных буднях строительства. Об открытии одного из первых зданий в посёлке – Дома

культуры, о поисках в тайге пластов глины, об отвалившихся рулонах обоев в показательном жилом доме.

Храню радость от встреч с Вячеславом Гайказовым. Иногда его фамилия писалась с приставкой Мелик, то есть князь. На мой взгляд, именно с Меликом-Гайказовым связан отблеск, доставшийся Ковдору от ударной комсомольской стройки – Магнитогорска, где Вячеслав окончил горный институт. Мы с ним одного года рождения. Я только осматривался и осваивался, а он успел много сделать, вырос от рядового выпускника института до главного инженера комбината.

Скончался Вячеслав на пороге сорокалетия – неизлечимая в те годы болезнь. Похороны, как сейчас помню, припали на 14 ноября. Свирепствовал мороз, в последний раз в том году выглянуло солнце. Не покидало небо, пока траурная процессия не разошлась. А у меня в ушах разговор в кабинете главного за неделю до того, как он слёг в больницу. В первые десятилетия телефонов и прочих атрибутов в Ковдоре на всех не хватало. Главному инженеру аппарат в квартире поставили, ему без связи никак. Как назло, номер телефона почти цифра в цифру совпадал с бюро прогноза погоды. Посему Гайказов обходился без будильника. Где-то с пяти, если не раньше, телефон настойчиво напоминал о себе. Подчинённые интересовались: во что облачаться на работу? Погода в Ковдоре, как и на всём полуострове, непредсказуема. Потому я ни разу не воспользовался самолётом. Билетом запасался, но в последний момент погода оказывалась нелётной. Многих любопытствующих Гайказов узнавал по голосу, но покорно шлёпал к окну, протирал стекло над градусником.

Может и мелкая деталь, но, на мой взгляд, реально представляет отношения между людьми. Кто сомневается, может попытаться позвонить чиновнику из райсовета или в администрацию ГОКа и спросить о погоде. Догадываетесь, как и что ответят?

В среднем звене комбината трудилось ещё два армянина. Московского разлива. Братья Саркисовы. Младшего, Володю, начальника отдела труда и зарплаты, побаивались и тихо ненавидели. Должность у него такая – искать и находить щели, в которые утекает прибыль комбината за концентраты железа, апатита и бадделеита. По его настоянию в жилых домах, стоявших на балансе ГОКа (процентов 60–70 всего жилфонда) упразднили уборщиц в подъездах.

Старший Саркисов, Лев, менял одну начальственную должность на другую, пока не оказался во главе жилищно-коммунального управления. Того самого учреждения, где по наводке младшего брата, сократили уборщиц. При Льве ЖКУ сбросило с себя печать отстойника кадров, выгнанных из остальных подразделений комбината – за пьянку и прочие провинности. Мало того, в управление ЖКУ стало престижным ходить в гости. Лев, первым в городе, обустроил там сауну с бассейном. Пример вдохновил начальников участков подразделений ГОКа, треста «Ковдорстрой», «Ковдорслюды», не говоря уже о

различных СМУ, представлявших в Ковдоре самостоятельные филиалы. Началось соревнование, у кого «цех здоровья» лучше и качественнее.

К достоинствам ГОКа и его многолетнего директора А. И. Сухачева надо отнести внимание к росту кадров. Начальник обогатительной фабрики, затем обогатительного комплекса Анатолий Сидоренков начинал после техникума мастером участка. Стремительно двигался, окончил заочно институт. В полном соответствии с поговоркой: где родился, там и пригодился. Прирождённый дипломат, Сидоренков умудрялся уживаться со смежниками и сотрудниками управления комбината, не поступаясь ни на йоту принципами. Вот маленький и далеко не самый важный штрих. Пустующие галереи между корпусами, возникшие вследствие расширения комплекса, Сидоренков превратил в оранжереи для выращивания цветов. Не такая уж блажь, если учесть, что годами ковдорчане ездили в Кандалакшу и Мурманск, дабы украсить дни рождения, свадьбы и прочие мероприятия. Впоследствии цветочные теплицы появились при школах. По примеру обогатителей.

Возмутитель спокойствия

Начальника рудника «Железный» В. А. Эйдельмана пригласил в Ковдор из Оленегорска главный инженер Мелик-Гайказов. Петербуржец, инженер во втором поколении, Виктор Азариевич взбаламутил несколько сонную жизнь рудника и комбината. Горняк до мозга костей, прикинул, что если увеличить подачу богатой руды, то можно прибавить к процентам железа в концентрате не ежегодные 0,1 процента, а две-три, а то и четыре десятых.

Расчёты лежали на поверхности, о них в управлении ГОКа знали. Но породу рентгеном на глубину не ощупаешь. Иди знай, какой сюрприз она выкинет. Зато ежегодные 0,1 процента убеждали кураторов, что управление ГОКа постоянно бдит и старается. Заслуживает прогрессивку по результатам очередных двенадцати месяцев.

Новый начальник рудника, мастер спорта по гимнастике, курение отвергал принципиально. У лестницы в раскомандировку, где три раза в сутки начальники участков и прочие лица средней ответственности собирались, куча оранжевых окурков от сигарет красиво смотрелась на фоне снега, покрытого чёрной вуалью.

Большегрузных самосвалов для вывозки горной массы катастрофически не хватало. 27-тонные белорусские гиганты стали менять 40-тонными, но и они выходили из строя с пугающей регулярностью. Надежда на увеличение парка БелАЗов таяла на глазах. Единственная возможность облегчить жизнь и увеличить количество рейсов – назначать взрывной день не раз в неделю, а раз в месяц. При этом приходилось закладывать за раз тысячу тонн тротила, то есть одну двадцатую мощности атомной бомбы, сброшенной американцами

на Японию. Но это тоже дело расчёта и техники. Виктор Азариевич изложил свои прогнозы, убедил.

Другой коленкор, что смена ритма потребовала от инженеров управления комбината и цеха технологического транспорта коренного изменения отношения к работе. Опять же Эйдельман воспользовался многотиражной газетой для агитации и пропаганды своих идей. Начальник ЦТТ по фамилии Румаков не нашёл ничего умнее, чем пожаловаться в ближайшую метрополию, в Кировский горком партии, что два еврея – начальник рудника и редактор многотиражки – снюхались и не дают жизни, ему, коренному и титульному патриоту. Секретарь парткома, в прошлом сам начальник рудника, поговорил с Румаковым на чистом горняцком языке. Тот съездил в Апатиты, забрал заявление. Зато засветился. Спустя семилетку, когда новообразованный Ковдорский райком и райисполком область наполняла проверенными кадрами, Румаков стал первым председателем райисполкома. И с этого кресла его вскоре пришлось убрать, но это уже мелочи.

С коренным ленинградцем и потомственным инженером Эйдельманом (отец Вити окончил войну полковником, командиром части железнодорожных войск) мы сдружились. Его недоверие к инструкциям умиляло. Зимой Витя, например, придерживался парковки при помощи тормоза на колёса передней оси. Его «Жигуль» плавно скользил задом и замирал перпендикулярно к забору. Раз, второй, третий. На четвёртый ось не выдержала и треснула. Из отпуска Витя решил вернуться, не дожидаясь очереди на платформу в Кандалакше. По дороге погранцов. В багажнике, как у всех отпускников, барахла, чуток больше положенных по паспорту 400 кг. Рессоры должны справиться. Не справились.

Ещё один штрих. Заканчивал карьеру Виктор Азариевич там, где начинал, в Оленегорске, первым заместителем директора. С удлинённой вдвое фамилией, о нём говорили не иначе, как «Смирнов, который Эйдельман». Сын Алик, намерился в ленинградский горный. Национальность, как положено у предков-евреев – по маме. И фамилия. Хитрость удалась, Алик поступил. Но увлёкся полезным в жизни спортом – самбо. Первая же сессия совпала с экзаменами, их он с треском провалил. Уже, как Смирнов. Зарабатывал стаж опять же в Оленегорске, там и прошёл потом все инженерные должности. В последний раз разговаривал с Аликом по телефону, когда он приезжал в Выборг проведать заболевшего отца. Алик Смирнов стал главным инженером ГОКа, что добывает янтарь в Калининградской области. Его младший брат – тоже горный инженер.

Плечо друга

С Виталием Михайловым мы подружились ещё в Киевском горном техникуме. Не потому, что учились в соседних группах – 55-й и 56-й, а по, так сказать, внеклассным увлечениям. Виталий вызвал меня в Ковдор, когда стал заместителем директора ГОКа по капстроительству. Самая собачья должность в сравнении с остальными шишками управления комбината. Строители (и трест «Ковдорстрой» никакое не исключение) всегда правы. Их не хватало, а уж в Ковдоре – тем более. Они этим пользовались на всю катушку. Жилые дома, например, всегда закладывали зимой. Приступали к нулевому циклу, когда мороз сковывал землю до крепости гранита. Иначе, как взрывами, её не разрыхлить. Зато за ту же работу можно потребовать больше денег. В счёт прибыли комбината по железному концентрату. Плановая система: кто обжулит смежника, тот и пан.

Виталий умудрялся наладить тесные контакты и с трестом, и с его главком. Он пробил в Министерстве чёрной металлургии добавку в 10 процентов полярков – по завершении строительства АБОФ и присоединении комбината к Большой химии. Но и этот подвиг коллеги по управлению не заметили. За все двадцать лет работы Михайлова в Ковдоре составители некролога насчитали 1 (одну!) благодарность – ко Дню милиции. Как активному дружиннику. Остальные страницы «личного дела» – сплошь о взысканиях, о лишении процентов зарплаты.

Отдушины, что спасала Михайлова в Северодонецке (на стройках города на Луганщине Витя проработал свыше десяти лет) никакой. В Ковдоре намекнули (указали!), что большому начальнику нечего делать в самодеятельности, да ещё на сцене народного театра. Ладно, Виталий попытался было преобразить стандартные бетонные помещения Дворца культуры, предложил обмотать бетонные колонны канатом. И красиво, и в суতোлке танцев не шмякнешься плечом о каменную твердь. Последовало указание ещё более высокого начальства прекратить безобразие.

Остров интеллектуалов

Прямо удивительно, сколько на небольшом пяточке у самой границы с Финляндией собралось интеллигентных людей. Вот и ответ, почему, в отличие от большинства населённых пунктов полуострова, кинотеатры и зал ДК не ломились от зрителей при демонстрации душещипательных индийских фильмов. Зато при выступлении киноактёров Бориса Андреева, Виталия Соломина или Светланы Крючковой билетов на всех не хватало.

А ночные дежурства у книжного магазина! Дабы с утра подать заявку на подписные издания. На двухсоттомное издание классики Всемирной литературы охотились по всей области. Но! Сданную на комиссию поэзию

спокойно скупал исключительно в Кандалакше и Мурманске. Ни разу не видел тома со стихами на букинистических полках ковдорского книжного магазина.

Личные библиотеки едва вмещались в комнатах ковдорчан, стеллажи не только у стен. Книги не просто собирали, их читали. Если бы телевизионщикам пришла идея собрать на одной сцене студентов-отличников из университетов и ковдорских самообразованцев, то, поверьте, ещё неизвестно, кто бы победил в популярной игре «Что?» «Где?» «Когда?».

В управлении Ковдорского ГОКа обитало начальство, а неформальные лидеры трудились на Опытной фабрике – Виктория Васильевна Новожилова и Татьяна Николаевна Поганкина.

Отец Виктории Васильевны, профессор Симферопольского университета, до революции дружил с поэтом Максимилианом Волошиным. Оставленный с определённым заданием в тылу в годы войны, он сочетал перемещения по полуострову с посещением Коктебеля, привозил продукты вдове поэта. Вскоре после войны отец умер. Маму – крымскую гречанку по происхождению – тут же депортировали вместе с ребёнком-школьницей из Крыма. Этническая метка на биографии мамы заставила Викторию поступить в горный институт. Наука не прогадала. Именно В. В. Новожилова, как вспоминал много лет спустя, директор Ковдорского ГОКа А. И. Сухачев, доказала, что зеленовато-салатовая порода, устилавшая месторождение, раскрывается, отделить апатит от железа можно.

Подруга Новожиловой, Татьяна Николаевна, увлеклась минералогией ещё в младших классах школы, посещала кружок в Ленинградском дворце пионеров. Его вела Ольга Михайловна Римская-Корсакова, та самая. Отпуска Татьяна Николаевна проводила в путешествиях по геологическим меккам страны, каждый раз привозила домой чемодан, с экспонатами. Увлекла сотрудников.

Что это были за люди – приведу пример. Всесоюзная стройка вместе с энтузиастами привлекла в Ковдор не самую симпатичную публику. Как-то утром коллеги Т. Н. Поганкиной пришли на работу и глазам не поверили: полки с полудрагоценными и драгоценными камнями опустели. Грабители вынесли экспонаты через окно. Хозяева смотрели друг на друга и молчали. Наконец, кто-то произнёс:

– Не видно ни одного обрывка бумаги. Как же они могли унести столько экспонатов и не побеспокоились о том, чтобы камни не повредили друг друга?

В первый же отпуск я привёз в Киев образцы Ковдорского магнетита – геометрические правильные многоугольники железной руды на крахмальной белизне кварцита. Ощутил себя библейски богачом по имени Крез, раздаривающим самоцветы. А личный подарок Татьяны Николаевны показывал друзьям, но никому не давал – первый сборник стихотворений Булата Окуджавы, изданный в каком-то областном издательстве. Зато делюсь

с хорошими людьми информацией о писателе Викторе Конечком (авторе сценария «Полосатый рейс» и «Тридцать три»). На него обратила моё внимание опять же Татьяна Николаевна.

Трудыга в чёрном плаще

Среди достойных продолжателей дела первостроителей, воспетых А. В. Косарчуком, многолетний начальник СМУ–1 треста «Ковдорстрой» Витя Попытайленко. Извините, частенько общались, но без отчества. Практически однолетки. Витя с Украины, окончил Полтавский инженерно-строительный институт. Специально привёл полное название учебного заведения. Выпускник оно часто произносил имя-отчество и фамилию своего института в аббревиатурном виде, веселился по поводу реакции интеллигентных слушателей.

Виктор Попытайленко среди первых получил отдельное жильё. Со всеми удобствами. Но без горячей воды. На кухне и ванной к трубам отопления прикрутил крантики и, пожалуйста – все удобства налицо. Стадии расширения обогатительного комплекса без вклада Попытайленко трудно представить. Во времена, когда государственные награды были редкостью, Попытайленко стал дважды орденосцем.

Начальство подумывало о более весомых, чем орден «Знак почёта» наградах, да руководитель первого СМУ не коммунист. Убедили исправить прореху. Всё шло по плану. Глава парткомиссии Кировского горкома партии по фамилии Михеев, характеристиками и биографией кандидата в члены партии Попытайленко остался доволен. Но поступил донос: начальник СМУ не закопал вместе с мусором забракованные панели перекрытия отдела сушки, продал их сотрудникам по остаточной стоимости. На гаражи. И себе – тоже.

Михеев так и эдак требовал, чтобы Витя покаялся. Витя ни в какую. Не чувствовал за собой никакой вины, кроме пользы государству. Не вытерпел и бросил на стол кандидатскую карточку:

– Мне рядом с Михеевым дышать нечем, не хочу шагать с ним в одном ряду...

На второй день Витя сдавал дела новому начальнику СМУ, перешёл в каменщики. И прежде в своём чёрном пластиковом плаще он не чурался чёрной работы.

Перенесёмся на десяток с гаком лет вперёд, в Независимую Украину, где В. Попытайленко попытался заняться бизнесом. На Днепре, в Новой Каховке, собрал бригаду пенсионеров из местных жителей, решил ловить рыбу и вялить её в коптильне. Улов обрадовал. Один, второй. А как доходило дело до выхода готовой продукции, так усушка за утруской. Что по весу меньше, понятно, но и по штукам никак не сходилось. На нолик, а то и два. Запасы,

накопленные Витей за десятилетия на севере, кончались и кончились. Он плюнул, собрал монетки и подался в Питер, где осели обе дочери...

Жезл и свисток

Странная штука память. Она вдруг высвечивает факты и эпизоды, что вообще не выплывали из небытия. И так, год 1974 или 1975. До строительства трассы, вливающейся в дорогу Ленинград-Мурманск ещё очень далеко. Даже не в проекте. Но уже набрал мощности автозавод в Тольятти, ему изо всех сил помогали московский и ижевский «Москвичи». Ковдорчане обзаводятся личными автомобилями, гаражи превзошли по площади жилую застройку. А как размять кости коню, застоявшемуся в ожидании отпуска и платформы до Кандалакши? Единственная бетонированная дорога – вокруг памятника Ленину и ДК. Здание райкома с райисполкомом тоже пока что плод фантазии.

По кругу, по кругу автомобилей всё гуще и гуще. Незаметно у обочины пристраивается старший сержант Петрук. В руках – полосатый жезл, как и положено ответственному сотруднику Госавтоинспекции. Стоит, смотрит, замечает и время от времени прибегает к помощи атрибутов своей власти – свистка и жезла. То ли водитель поздно включил поворот, то ли не вовремя притормозил. Сержант, не сходя с места, квитанцию со штрафом выписывает. На него не обижались и не косились. Понимали, человек на государственной службе.

У Петрука постоянно росли показатели. Ежегодно снижался процент дорожно-транспортных происшествий, пока не достиг нуля. Сержант на всю область прославился, кажется, даже на Доску почёта в областном ГАИ попал. Его поздравляли, а он весь январь ходил сам не свой. И накликать беду. Первое же ЧП на дороге, да ещё с человеческими травмами, ухудшило прошлогодние показатели на 100 (сто!) процентов.

Лауреаты Ленинской премии

Каждая очередь расширения генерального застройщика – Ковдорского ГОКа – ознаменовывалась вводом в строй многоэтажками и детского сада. Тут же становилось ясно: без следующих новостроек городу никак не обойтись. Без модернизации коммунальных сетей – тоже. Десятилетиями, вплоть до ввода в эксплуатацию водоочистных сооружений, питаемых рекой Ёной, холодная вода на четвёртые-пятые этажи поступала исключительно глубокой ночью, когда жители престижных вторых-третьих этажей, наконец, закрывали краны.

В стране рек и озёр с питьевой водой было туговато. То ли по тогдашним гостам при очищении воды добавляли в неё какую-то гадость, то ли ещё почему, но каждому жителю Ковдора собственные почки напоминали о себе. Или почти каждому. Извлечение камней из почек хирурги больницы поставили

на поток. Из них они строили макеты средневековых замков. Камни под лучом света искрились, особенно у жителей улицы, прилегающих к дороге на рудник «Ковдор». Вермикулит, гидратированную слюду, везли на обогатительную фабрику в самосвалах. Как оказалось, она воздух не озонировала.

Даже отходы вермикулитовой фабрики шли в дело. В благодатной средней полосе на футбольном поле выращивали травяной газон, защищавший игроков от травм. В Ковдоре трава росла, но не очень. А если покрыть мягким флогопитовым песком поле, слегка утрамбовать? Сказка получается. Дождь луж не оставляет, вода с поверхности уходит.

Вермикулит, флогопит, мусковит... Чуть о главном не забыл. В середине тридцатых прошлого века геолог Кошиц, в честь которого названа одна из центральных улиц города, открыл в районе озера Ковдор залежи железной руды. Открыл попутно, ибо возглавлял экспедицию, посланных для поисков слюды. Её, зеленоватый флогопит (благодаря ионам алюминия) и красноватый мусковит (ионы железа) всё-таки тоже обнаружили. Но потом. Как раз из-за отсутствия изоляционного материала десятки готовых к эксплуатации электровозов не могли выехать за ворота завода-изготовителя. Два геолога Ковдорской ГРП – начальник ГРП В. И. Терновой, рядовой геолог Б. И. Сулимов и производственник, обеспечивший добычу и поставку слюды – директор КГОКа А. И. Сухачев – стали лауреатами высшей в стране награды, Ленинской премии. Больше никому из ковдорчан добиться столь высокой оценки своего труда не довелось.

В любом деле случай играет свою роль. Не получи в тридцатых геолог Кошиц задание искать слюду, иди знай, как повернулась бы история Ковдора. И состоялась ли?

О будущем думают загодя

Как не воздать должное Ф.И. Семёновой, математику и директору семнадцатой (она же первая) школы. У Феты Ильиничны на особом счету были учителя математики и физики. Способных учеников она собирала в классе «Б». Как правило, это были классы с углублённым изучением формул, теорем и т. д. Несколько поколений ковдорчан с успехом окончили престижные столичные вузы, вернулись на свою малую родину, составляют инженерную элиту КГОКа.

Слышал, что школа давно переориентировалась в предпочтениях. Математика с физикой отодвинуты в сторону, сделан упор на английский. Возможно, и на сием поприще школа добьётся успехов. Но вернутся ли выпускники в родные пенаты или будут востребованы в других местах – вопрос риторический.

По возрасту мне простительно надоедать публике своими воспоминаниями. Но профессия газетчика, хочешь или нет, накладывает отпечаток. Писатели могут писать в стол, когда-нибудь да пригодится. А меня учили комментировать да информировать, двигать и продвигать события. В том числе, за неимением бумажной, то есть газетной, трибуны – на разных ковдорских сайтах. В ответ – тишина. Дескать, читателей ознакомили, а как они отреагировали – их личное дело.

В моё газетное время мы не ждали милости от читателей, особо от тех, от кого зависело принятие решений. Посылали напоминания тем особам, что занимали посты в районе (Кировском), области, Главке и в Министерстве. И, знаете, высокопоставленные читатели проявляли уважение к затерянной за Полярным кругом многотиражке. Как правило – отвечали. Не делали вид, что отдельные недостатки в Ковдоре их не касаются.

Понимаю, газета (и сайты!) никакой не глас народа. Истина – в социологических исследованиях. В тех редких случаях, если их есть кому проводить, то есть, субсидировать.

* * * * *

Вопрос по существу

Хочу прямо в лоб, сказать о конкретном факте, который, на мой взгляд, заслуживает рассмотрения в райисполкоме, а то и на сессии райсовета.

На протяжении месяцев на доступных мне ковдорских сайтах, среди всё уменьшаемого круга ковдорских знакомых, поднимаю, так сказать, вопрос, об увековечивании памяти кандидата минералогических наук Ольги Михайловны Римской-Корсаковой. Сложилось у меня впечатление, что людей, возглавляющих ныне район, сия подробность мало интересует. А напомнить, подсказать – некому.

Заслуга Ольги Михайловны даже не в том, что она провела в Ковдоре 25 (двадцать пять) полевых сезонов. Порой рассчитывала разве на помощь начальника погранзаставы. Больше вокруг не к кому было обратиться. И даже не в том, что опубликовала за несколько лет в «Рудном Ковдоре» 12 (двенадцать!) очерков объёмов более 20 тысяч знаков каждый. Если в нынешнем исчислении. Снабдила очерки фотографиями большинства геологов, причастных к открытию месторождений.

Ольга Михайловна на общественных началах (в нынешних понятиях – бесплатно!) взвалила на себя труд по составлению энциклопедии геологических открытий в районе Ковдора. Увековечила вклад коллективов геологов – от начальников геологоразведочных партий до разнорабочих. С подробными характеристиками каждого и фотографиями. Уверен, ни один из знаменитых добычных бассейнов полуострова не имеет столь подробной и детальной

геологической летописи. Наследникам остаётся, разве по мере надобности, уточнить детали. В частности – на сколько глубоко залегает рудное тело. Геологи в тридцатых, пятидесятых, семидесятых годах необходимой техники под рукой не имели.

В начале нынешнего века администрация ГОКа озаботилась изданием очерков Римской-Корсаковой под одной обложкой. В своё время я передал в музей города подшивки с её публикациями о геологах, оригиналы очерков и фотографий, даже вторые экземпляры. В научные издания Ольга Михайловна привыкла подавать материалы в двух экземплярах.

В середине восьмидесятых я приехал в Ковдор на какое-то мероприятие геологов. Они собрались со всех концов страны. Я видел, с каким пиететом, подчёркнутым уважением относились к заслуженному ветерану геологической науки специалисты. Тем горше было держать в руках том с портретом Ольги Михайловны на обложке, кастрированным нынешними издателями чуть ли не на половину. Не знаю точно, но догадываюсь, кто взял на себя смелость считать, чей вклад в познание ковдорских недр заслуживает внимания потомков, а чей нет. Подумалось, да если бы при технике семидесятых (без ксероксов, компьютеров и пр.) в редакции многотиражки было бы столько активных штыков, сколько перечислено причастных к изданию выхолощенной книги очерков, мы бы не раз в неделю газету выпускали, а шесть раз.

По классической подсказке знаменитого детектива советских лет заглавный вопрос оставил на конец заметок. Ему, этому вопросу, почти тридцать пять лет отроду. Как депутат ковдорского райсовета я ставил его на одной из сессий. Вопрос даже в протокол не внесли. А состоял он в том, что **улица им. О. М. Римской-Корсаковой, или хотя бы мемориальная доска в честь её, должны быть прописаны в Ковдоре.**

Не сравниваю и не сопоставляю с улицами, названными в честь первооткрывателя железорудного месторождения Кошица, бригадира строителей треста «Ковдорстрой», героя Советского Союза Коновалова, многолетнего директора Ковдорского ГОКа Сухачева. Уверен, Римская-Корсакова в компании этих великих ковдорчан не теряется.

А добавят к энтузиазму первых пятилеток (Кошиц), героизму Великой отечественной (Коновалов), трудовому подвигу послевоенных лет (Сухачев) неразрывную связь молодого города с династиями, отдававшими все силы стране и сто, и триста лет тому назад.

Мне кажется, такой нюанс придётся ко двору не только при воспитании патриотизма.

Яков Махлин

(псевдонимы: Я. Ковдорский, Яков Дорский), редактор «Рудного Ковдора», «Ковдорчанина» и собкор «Полярной правды» в 1973–1982 гг., 1989–1992 гг.